

Рыльцев Евгений Валентинович

**Когнитивный консенсус
в условиях плюрализма воззрений
(концепция симфоники)**

**Специальность
09.00.01 — онтология и теория познания**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Екатеринбург — 2009

Работа выполнена на кафедре онтологии и теории познания
философского факультета ГОУ ВПО
«Уральский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
Пивоваров Даниил Валентинович

Официальные оппоненты: Перцев Александр Владимирович,
доктор философских наук, профессор
Оболкина Светлана Викторовна,
кандидат философских наук

Ведущее учреждение: ГОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»,
г. Екатеринбург

Защита состоится 19.02.2009 г. в 15 часов на заседании диссертационного
совета Д 212.286.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького» по
адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО
«Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Автореферат разослан 13.01.2009.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор философских наук, профессор

В.В. Ким

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Среди нескольких когнитивных причин раскола человечества на враждебные друг другу силы и группировки особо выделяется противоречие между верами, лежащими в базисах альтернативных философских систем, противоборствующих религиозных учений, а также конкурирующих научных теорий. В ближайшем будущем не представляется возможным «снять» эти противоречия. Тем не менее, сегодня наблюдается медленное, но необратимое его смягчение — в частности, благодаря тому, что многие люди начинают более терпимо относиться к противоречиям между сражающимися доктринами или концепциями. Чтобы как-то способствовать росту толерантности в обществе, требуется гносеологический анализ таких противоречий. Как известно, все философские системы, религиозные учения и научные теории высокого ранга общности покоятся на фундаментальных положениях, которые не удается в полной мере доказать или опровергнуть ни эмпирическими, ни теоретическими средствами, но приходится в целом принимать на веру. В религиозной среде их называют *догмат* или *догма*.

Краеугольный камень философского учения обычно именуют так: *исходная идея, принцип*. В науке для обозначения фундаментальных положений чаще в ходу термины *постулат, аксиома, принцип, закон*. Иногда под таковыми подразумеваются временно не доказуемые, но в будущем, возможно, проверяемые фундаментальные положения. Итак, у философии, религии и науки, при всем различии их основополагающих посылок, есть общий признак: такие посылки рационально не доказуемы, и их принимают на веру. Фундаментальные доктрины и теории живы, пока признаются истинными; религиозные деятели, философы и ученые руководствуются ими, пока верят в их состоятельность. Важно философски понять, как способно становиться истинным предельно общее знание, когда оно преимущественно опирается на эпистемологически недоказуемый авторитет веры? Можно ли повысить степень истинности религиозного, философского и научного знания через совершенствование веры, лежащей в его основе?

Изучая проблему соотношения мнения и разумного знания, Парменид заключил, что истина сопряжена исключительно с деятельностью мышления, а вовсе не с доверием органам чувств. Бернар Клервосский противопоставил рационализму элеатов и Абеляра формулу, согласно которой самую глубокую истину следует искать в религиозной вере, а не в лоне вербально-логического мышления. Дилемма эпистемизма и фидеизма является одной из главных и «вечных» философских проблем, поныне остается остро актуальной философской проблемой и не имеет общезначимого решения.

Учитывая огромную роль веры в жизни людей, автор считает возможным дополнить определение «человек есть *homo sapiens*» равносильной дефиницией «человек есть животное, способное глубоко верить». Вера — важнейшая детерминанта духовности и нравственности личности. Она является существен-

ным фактором как мистико-иррационального, так и дискурсивного рационального познания. Диссертанта в первую очередь интересует возможность достижения знаниевого консенсуса в условиях веровательного плюрализма в обществе. Изучение такого аспекта гносеологии, как «познание через согласие», резюмируется в авторской концепции симфоники.

Степень разработанности проблемы. Дилемма эпистемизма и фидеизма волновала многих классиков философии. Ее изучали такие крупные античные и средневековые мыслители, как Парменид, Платон, Аристотель, Августин, Абеляр, Бернар Клервосский, Фома Аквинский и др., а в Новое время — Декарт, Локк, Юм, Кант, Гегель, Энгельс и др. Заметный вклад в освещение этих вопросов внесли С. Кьеркегор, К. Ясперс, А. Бергсон, Г. Марсель, М. Хайдеггер, М. Бубер, Х.Г. Гадамер и др. Пристальное внимание указанной проблематике уделяли известные отечественные философы: Э.В. Ильенков, Б.М. Кедров, П.В. Копнин, В.И. Ленин, К.Н. Леонтьев, А.Ф. Лосев, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, М.Н. Руткевич, В.С. Соловьев, С.Л. Франк и др. Во второй половине XX в. и по настоящее время данную тему исследуют Д.В. Анкин, Е.В. Бакеева, Н.В. Бряник, М.О. Васильева, Ю.П. Ведин, С.З. Гончаров, Р.М. Грановская, С.Ф. Денисов, Е.А. Евстифеева, О.В. Ивановская, Е.Б. Казнина, Н.А. Калужная, Н.П. Копцева, К.В. Костинова, А.В. Лапин, В.А. Лекторский, Р.А. Лошаков, К.Н. Любутин, Н.Т. Михайлов, Ю.И. Мирошников, И.С. Нарский, В.В. Петрова, Д.В. Пивоваров, М.А. Савинова, В.Ф. Сетьков, В.Л. Соболев, Е.А. Степанова, М.Н. Стати, А.Н. Троепольский, Ф.А. Хуснутдинова, Э.М. Чудинов, А.И. Шафоров, Н.Н. Ярыгин и многие др.

В обосновании принципов симфоники диссертант опирался на концепции толерантности и ненасилия, разработанные Дж. Локком, И. Кантом, Бахауллой, Х.Г. Гадамером, М.М. Бахтиным, А.В. Перцевым, М.Б. Хомяковым и др.

Несмотря на обилие специальной литературы, посвященной соотношению веры и знания, остается недостаточно изученным общий механизм включения веры в знание. Диссертант предпринимает попытку частично восполнить этот пробел.

Объект исследования — противоречивое единство веры и опосредованного знания.

Предмет исследования — дилемма фидеизма и эпистемизма и возможность когнитивного консенсуса в условиях плюрализма воззрений.

Основная проблема диссертационного исследования: при каких условиях возможно «познание через согласие» в конкуренции альтернативных воззрений в философии, религии, науке?

Идея, выносимая на защиту. Хотя об истинности и ложности чужих верований спорить, как правило, бесполезно, все же в некоторых ситуациях можно добиваться консенсуса и гармонизации наиболее общих знаниевых альтернатив, возникающих либо внутри философии, религии или науки, либо между этими формами общественного сознания. Например, такую возможность предоставляет обретение веры в «общечеловеческие идеи», содержащиеся в учениях пророка Бахауллы («доктрина прогрессивного откровения»), философа В.С. Соловьева («философия всеединства»), в учениях русских космистов, а также в

ряде общенаучных принципов (дополнительности, неопределенности, вероятности и т. д.). Движение к потребному согласию между предельно общими конструирующими воззрениями — это особый путь познания, алгоритм которого позволяет рассуждать, исходя из духовной веры. Знание, достигнутое данным путем, заслуживает доверия. В диссертации представлен эскиз такого гармонизирующего пути познания, который автор предлагает называть «симфоникой».

Цель диссертации — сформулировать и обосновать авторскую философскую концепцию симфоники, в которой специфически сопряжены категории веры, знания и истины. Для достижения поставленной цели формулируются следующие задачи:

- уточнить формулировку дилеммы эпистемизма и фидеизма;
- выявить возрастание когнитивной толерантности как одну из мировых тенденций;
- определить исходные понятия и принципы симфоники;
- продемонстрировать эвристический потенциал симфоники.

Методологическая основа диссертации. Автор исходит из методов философско-концептуального и сравнительного анализа, «синтетической концепции идеального» К.Н. Любутина и Д.В. Пивоварова, основных принципов диалектики, а также идей единства анализа и синтеза, индукции и дедукции, исторического и логического.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

- указан способ реконструкции дилеммы эпистемизма и фидеизма;
- выявлены причины роста консенсуса в условиях плюрализма вер;
- сформулированы базовые принципы симфоники: гармонического единства веры и знания; мировоззренческих антиномий; взаимного дополнения альтернатив высокой степени общности; симфонического сомнения; равного величия;
- введены концепты: оксиромы, крипта, древо познания, пространство познания и его виды и др.;
- описаны типы доказательств: коллективное, всеобщее, мнимое;
- предложена классификация видов вер и сомнений;
- определены условия когнитивного совершенствования веры.

Теоретическое и практическое значение диссертации. Принципы и методы симфоники, по-видимому, позволяют добиваться некоторого согласия между альтернативными знаниевыми системами в сферах философии, религии и науки. Концепция симфоники углубляет общее представление о структуре когнитивного процесса. Положения и выводы диссертации могут применяться в преподавании курсов философии, формальной и диалектической логики, религиоведения.

Апробация работы. Различные варианты диссертации обсуждались на трех заседаниях кафедры онтологии и теории познания философского факультета Уральского госуниверситета. Основные тезисы и выводы работы апробировались на представительных научных конференциях: «Философия: вызов современности» (Екатеринбург, 2005), «Аксиология научного познания», Екатеринбург, 2005), «Универсалии культуры» (Екатеринбург, 2006), «Образование в

XX веке: проблемы, тенденции, перспективы» (Нижний Тагил, 2006). Основные идеи и положения диссертации отражены в научных публикациях соискателя.

Положения, выносимые на защиту.

1. Традиционная дилемма эпистемизма и фидеизма не является примером истинного логического противоречия и нуждается в уточнении, потому что спорящие стороны руководствуются принципиально разными дефинициями знания, веры и истины.

2. При всем различии между философскими, религиозными и научными фундаментальными положениями у них есть общая черта: они логически недоказуемы в потребной степени и принимаются на веру.

3. Образы действительности, представленные в мировых и национальных религиях, взаимно обогащают друг друга и составляют единую метасистемную картину мира.

4. Не следует считать безусловно истинным такое суждение, в котором то или иное учение или фундаментальная теория провозглашается единственно верным, а какое-либо Писание — единственно Богодухновенным.

5. В определенных исторических условиях возникает возможность согласовывать и гармонизировать между собой конкурирующие тексты философского, религиозного и научного характера. Такое согласие является итогом особого пути человеческого познания.

6. Предлагаемая автором концепция симфонии является попыткой в самом общем виде описать и объяснить характерные особенности и некоторые способы «познания через согласие».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация (общим объемом 170 с.) состоит из «Введения», двух глав, заключения и списка литературы. Библиография включает в себя 450 наименований.

В гл. I **«ПРОТИВОСТОЯНИЕ ГЕНЕРАЛЬНЫХ КОГНИТИВНЫХ АЛЬТЕРНАТИВ: ПРОБЛЕМА КОНСЕНСУСА»**, во-первых, обсуждается дилемма эпистемизма и фидеизма в связи с понятиями истины, веры и знания; во-вторых, рассматривается исторически складывающаяся, начиная с середины XIX в., когнитивная тенденция, позволяющая человечеству достигать некоторого консенсуса между конкурирующими предельно-общими идеями в религиях, философских системах и научных теориях. Отмечается также, что стремлению к веротерпимости и идейному согласию препятствует не менее сильная противоположная тенденция когнитивной интолерантности.

§ 1 **«Знание и вера: дилемма эпистемизма и фидеизма»** посвящен анализу соперничающих формул соотношения знания и веры. Под эпистемизмом (от греч. *episteme* — разумное знание) понимается философское учение о когнитивном приоритете дискурсивного знания; философский рационализм — особая разновидность эпистемизма. Фидеизм (от лат. *fides* — вера) — философское и религиозное учение о примате веры над рациональным знанием. Изучение различий между исходными представлениями эпистемистов и фидеи-

стов о знании и вере позволяет, по мнению диссертанта, деконструировать традиционную дилемму эпистемизма и фидеизма.

Тертуллиан обосновал позицию фидеизма, кратко выразив ее формулой «верую, ибо абсурдно»; он учил о пропасти между верой и рассудочным знанием. Августин, напротив, полагал, что вера непременно должна быть выражена в форме рационального знания: «верую, дабы понять». Ту же позицию отстаивал Ансельм Кентерберийский: «не ищу уразуметь, дабы веровать, но верую, дабы уразуметь». Фома Аквинат подразделил догматы веры на рационально постижимые (напр., «Бог един») и рационально непостижимые (напр., «Бог есть Троица»). При свободе выбора между истиной веры и истиной дискурсивного знания, советует Фома, лучше понимать, чем просто доверять; когда же у нас такой свободы нет, то в сверхразумные догматы нужно верить без рассуждений.

Противоречие между абсурдом веры и логичностью понимания отражено в формуле Кьеркегора: «верить, значит не понимать». Веру нельзя доказывать, но можно выяснять. К вере, как правило, невозможно принудить — ее свободно выбирают; «невольник не богомольник». Шестов отвергал богословский эпистемизм так: вера не хочет превращаться в знание; там же, где она трактуется в линиях самоочевидных истин, мы ее уже утратили. Пытаясь примирить эпистемизм и фидеизм, Флоренский превращает этот плюрализм воззрений в монистическую формулу этапов эволюции веры: от «верую, ибо абсурдно» через «верую, чтобы понять» к «понимаю, чтобы верить». Острое противостояние фидеизма и эпистемизма в диссертации рассмотрено на примерах полемики между Бернаром из Клерво и П. Абеляром, Расселом и Коплстоном.

Поскольку до сих пор никому не удалось разрешить дилемму эпистемизма и фидеизма в общезначимой форме, то логично предположить, что либо оба конкурирующих воззрения одинаково правдоподобны (презумпция «неложности»), либо рационалисты и фидеисты молчаливо исходят из разных представлений о знании, вере и истине. Выясняется, что противоречие между их формулами не является подлинным логическим противоречием в одном и том же отношении, и дилемма требует реконструкции.

Существуют разные механизмы включения веры в когнитивные акты, и, следовательно, варьируются представления о соотношении знания и веры. Развивая идею Д.В. Пивоварова о двух существенно различных видах познания (осваивающем и отчуждающем), диссертант приходит к выводу, что в одном случае вера органично слита со знанием, а в другом, наоборот, она внешним образом противопоставлена знанию.

В осваивающем познании познаваемое субъективируется, становится жизненно ценным для познающего человека. Хотя мир существовал задолго до нас, мы антропологизируем его, приписываем ему свойства, которые выявляются только через наше прикосновение к миру; эти свойства относительны к человеческой экзистенции. Осваивающее познание ориентировано на индивидуально-личностную правду — внутреннюю экзистенциальную истину, проверяемую духовной верой, совестью, интуицией. У каждого человека собственная правда.

Наоборот, познание отчуждающее разъединяет познающее и познаваемое, превращает субъекта в отстраненного, бесстрастного и объективного наблюдателя, а объект — в нечто «совершенно иное». Отчуждающее познание устремлено к объективной — внешней и надличностной — истине, проверяемой нейтральными критериями практики и разумной самоочевидности. Между экзистенциальной и объективной истиной нередко конфликты.

В каждом реальном когнитивном акте моменты осваивающего и отчуждающего познания противоречиво сочленены в той или иной пропорции. Религиозное и философское познание — это познание преимущественно осваивающее (поэтому религиозные и философские системы мало чувствительны к научно-рациональной критике), а техническое и естественно-научное познание — скорее отчуждающее (даже к неклассической и постклассической науке).

Диссертант предпринимает попытку в самом общем виде различить дефиниции знания и веры у эпистемистов и фидеистов. Сопоставлены две альтернативных концепции знания — знания как опосредованного освоения сущности (Аристотель, Гегель и др.) и мистического знания как непосредственного созерцания сущности (Платон, Экхарт и др.). Например, по Гегелю, бывает только опосредованное знание: познание начинается с внешнего созерцания предметов, затем оно восходит к абстрактно-рассудочному мышлению и завершается единством сознания и самосознания (разумом). Чтобы познать предмет, нужно не только его себе представить после восприятия, но также понять. С этой точки зрения, знание есть относительно непротиворечивое единство чувства и разума, выраженное в языке, интенционально соотнесенное со своим предметом и обладающее свойствами истинности или ложности. Такова общая позиция эпистемистов.

Напротив, многие мистики-фидеисты признавали реальность непосредственного знания, которое не составлено ни копиями, ни знаками постигаемого объекта. Это первичное знание-интуицию они считают подлинно истинным, а опосредованное знание, косвенно копирующее прямое знание оригинала, оценивают как нечто вторичное и неподлинное. Н.О. Лосский убедительно доказал, что нет достаточных оснований отрицать реальность непосредственного знания как источника дискурсивного знания. Диссертант склонен полагать, что непосредственное знание есть неразличимое тождество интуитивного знания и духовной веры, а дискурсивное знание существенное отличается от плотской веры.

Многозначность слова *вера* нередко ведет к недоразумениям: ведь одно дело верить, например, словам очевидца и другое — поверить в доктрину. Чтобы не допускать тут путаницы, Д.В. Пивоваров ввел понятия «*faith*-вера» и «*belief*-вера»¹. Соглашаясь с его предложением, диссертант под *faith*-верой понимает влечение человеческого духа к предельным основаниям бытия, мистическое пребывание в них, прямое видение разнопорядковых сущностей. Эта духовная вера не есть субъективная копия объективного прообраза, поскольку жизненно слита с подлинником. Именно такую веру обычно подразумевают

---

¹ См.: Пивоваров Д.В. Философия религии. Гл. 3. М., 2006.

мистики, отдавая ей приоритет в познании. Е.А. Степанова пишет, что духовная вера «...не внеразумна и не неразумна, но разумна в высшем смысле этого слова. Религиозный человек не может верить во что-то, отвергаемое его разумом, или, наоборот, утверждать разумом нечто такое, что противоречит его вере»². Фидеисты противопоставляют *faith*-веру дискурсивному знанию, но отождествляют ее с непосредственным знанием (интуицией и совестью), которое считают высшей формой разумности.

Сторонники эпистемизма под верой понимают нечто иное, а именно *belief*-веру, т. е. незнание, а в лучшем случае — один из моментов движения ума к опосредованно формирующемуся знанию. *Belief*-вера имеет плотский характер, является способностью сознания без достаточного основания (без всеобщего доказательства) признавать истинность чувственных и рациональных образов в формах субъективной достоверности и доверия, уверенности и ожидания. Позволяя человеку относительно прямо усматривать некоторые собственные признаки истинности субъективных образов внешнего мира, *belief*-вера активно направляет процесс синтеза чувств, разума и воли в опосредованное знание.

Понятия плотской веры и опосредованного (дискурсивного) знания — это два логически независимых концепта. Напротив, понятия духовной веры и непосредственного (интуитивного) знания логически тесно связаны и, по сути, тождественны. Отсюда, не всякий дискурсивный консенсус, которого подчас достигают оппоненты, проистекает из согласия между их духовными верами. И, наоборот, преодоление плюрализма духовных вер-интуиций не обязательно ведет к совпадению альтернативных концептуальных взглядов на познаваемый объект. Не признавая реальности *faith*-веры, эпистемизм отдает когнитивный приоритет рассудочно-разумному знанию, полагает его выше *belief*-веры. Фидеизм, не отрицая верховенства опосредованного знания над *belief*-верой, заявляет о приоритете *faith*-веры.

Поэтому традиционную дилемму эпистемизма и фидеизма диссертант уточняет и переформулирует как проблемный вопрос о том, что в познании первично и чему принадлежит приоритет — духовной вере (интуиции, прямому созерцанию сущности) или опосредованному знанию (дискурсивному мышлению)?

В § 2 «Прогноз развития когнитивной толерантности к мировоззренческим альтернативам» обосновываются следующие утверждения. Процессы духовной и материальной дифференциации человечества и противоречия между культурами и цивилизациями носят объективно-реальный характер. Они с неотвратимостью порождают и сохраняют общемировую тенденцию к познавательным конфликтам между людьми — тенденцию когнитивной интолерантности и эпистемического и языкового шовинизма. В силу универсального закона «действие равно противодействию» этой тенденции в той или иной мере противостоят процессы интеграции — всемирная тенденция веротерпимости, стремления людей и разных народов к доброжелательному мировоззренческому диалогу, к достижению состояния идеологической толерантности. Ныне челове-

---

² Степанова Е.А. Постижение веры. Екатеринбург, 1998. С. 251.

ство испытывает особо острую потребность в толерантном отношении к конкурирующим мировоззренческим идеям, онтологическим схемам и языковым играм. Складываются объективные условия для ускоренного роста такого рода когнитивной толерантности. В процессе взаимоотражения современных культур внутри них заметно усиливается объединительный момент — общечеловеческая культура. Наличие такого внутреннего момента в нынешних культурах способствует эволюции массовой терпимости к инакомыслию, что дополняет и уравнивает всеобщий момент противостояния и интолерантного взаимоотношения культур.

Традиционные культуры Востока отличает отказ от энергичного экспериментирования с природой и общественными устоями, созерцательность и самопогруженность. Напротив, христианские субкультуры в Европе и США сориентированы на риск, техническую мощь, экспериментальное познание материи. Научно-технический прогресс в Европе и Америке повлек за собой не только материальное благополучие, но также страшные иррациональные эффекты — мировые войны, экологический кризис, падение нравов. Угроза самоуничтожения человечества из-за технического прогресса заставляет европейцев и американцев интересоваться ценностями буддизма и ислама. Отсюда пристальный интерес западных идеологов к восточным способам выживания. С другой стороны, для восточных стран стала актуальной потребность преодолевать научно-техническую отсталость. Нужда в техническом прогрессе сопровождается интенсивное проникновение христианства в восточные страны. Восток и Запад как никогда ранее пошли навстречу друг другу.

С середины XIX в. началось ускоренное взаимопроникновение идеалов христианства, ислама и буддизма и появление зародышей новых мировых религий, которые энергично пропагандируют идеи ненасилия, мирного сосуществования мировоззренческих альтернатив и интеллигентного диалога между цивилизациями, наукой и религией, религиозными конфессиями, философскими школами. Активное взаимопроникновение конкурирующих культур стало необходимым условием всемирного прогресса.

Диссертант доказывает все эти утверждения посредством анализа: 1) религиозной «доктрины прогрессивного откровения» Бахауллы; 2) «метафизики всеединства» В. С. Соловьева; 3) ряда научных результатов (принципов дополнительности и неопределенности, второй теоремы Гёделя о неполноте арифметики, теории вероятностей, общенаучного метода альтернатив и др.).

В доктрине пророка Бахауллы о «прогрессивном откровении» вскрывается общая логика будущих столетий: коль скоро человечество росло путем последовательного вложения простых форм своего духовного и материального единства во все более сложные сообщества (от семьи через род, племя, полис и народность к нации), то неизбежна консолидация человечества в единый субъект. Внутри объединяемого человечества, вероятно, возрастут веротерпимость, свобода и безопасность граждан и наций, резко уменьшится угроза глобальных и региональных столкновений. Пока до этого желанного состояния еще очень далеко, и между любовью к ближнему и любовью к дальнему лежит пропасть.

Чтобы прочно объединиться, учит Бахауллу, нужно вначале разъединиться, стать более свободным в своем выборе. Национально-освободительные движения, рост патриотизма, движения в защиту прав человека, а также борьба со всякого рода монополизмом в религиозной и экономической сферах — закономерные проявления исторической целесообразности. Те, кто видят только ужасающие издержки этого грандиозного процесса и не понимают его скрытой исторической цели, оценивают его как крах государств, и выход им видится в космополитизме. Напротив, те, кто усматривают конечную цель истории человечества только в увековечивании каждой нации, закреплении за каждым народом собственной территории и изгнании с нее всякого чужеземного духа, руководствуются буйным национальным патриотизмом. Метод антиномического принципа «тождества различных» Бахауллы требует знания конструктивных плюсов и разрушительных минусов национализма и космополитизма, поиска равновесия между ними. В учении о «прогрессивном откровении» речь идет именно о единстве всех наций, рас, языков и культур в составе воссоединяющегося человечества, но вовсе не об их слиянии и растворении без остатка в некой интернациональной массе, подавляющей любовь к семье, роду, племени, своему народу и родному языку.

Любая монотеистическая религия, доказывает Бахауллу, есть относительная истина, поэтому ни одна из них не отменяет и не подменяет другую. Каждая из них предлагает собственный оригинальный угол зрения на Единое. Поэтому совокупное человечество, опираясь на сумму относительных истин, знает о Всевышнем больше, чем представители той или иной религии по отдельности. Чем больше возникает религиозных истин, тем ближе диалектически объединяемое человечество к абсолютной истине.

Экуменизм призывает к идеологической толерантности и к взаимопросветительскому диалогу между представителями разных конфессий, тем самым, создавая предпосылки для совместного решения людьми общих земных задач по сохранению мира и жизни на планете. В этом реализм и плюсы экуменизма. Однако экуменизм опасен, когда призывает ограничивать содержание любого религиозного сознания суммой из нескольких тощих и бесцветных истин. Учение о прогрессивном откровении предусматривает две взаимосвязанные формы материализации единой культуры человечества — всемирное правительство и единый вспомогательный язык. Всемирные Штаты будут принимать согласованные с национальными государствами решения, касающиеся общезначимых проблем выживания человечества, в том числе проблем охраны природы, предотвращения агрессии против отдельных стран, устранения глобальных конфликтов, ликвидации голода, неграмотности, освоения космического пространства. В диссертации также оцениваются сходные с докториной Бахауллы идеи В.С. Соловьева о всеединстве, укреплении человеческой солидарности и толерантности к инакомыслию.

В конце главы автор обсуждает тенденцию усиления в науке интереса к идеологии когнитивной толерантности. Наука развивается через перманентную борьбу школ. Научная школа возникает на основе оригинальной исследовательской программы, предложенной ее руководителем (Т. Кун, И. Лакатос).

Сторонники любой научной школы убеждены в безусловной истинности своей «парадигмы» и упорно защищают ее от внешней критики. В прошлом веке шутили: «Невозможно разумным способом переубедить адептов конкурирующих научных школ; истина восторжествует, когда все инакомыслящие вымрут». Ситуация в науках стала заметно меняться, например, после утверждения в физике принципов дополнительности (Н. Бор) и неопределенности (В. Гейзенберг), второй теоремы К. Гёделя о неполноте арифметики, теории вероятностей и синергетики. Общенаучный метод альтернатив требует всегда подыскивать альтернативы ранее сложившимся теориям и методично сталкивать их между собой. При этом ожидается, что информация, получаемая при синтезе альтернативных умопостроений, будет больше той, что заключена в их арифметической сумме.

Из «метода альтернатив» (К. Поппер) и принципа «теоретического анархизма» (П. Фейерабенд) следует, что всем ученым нужно быть терпимыми к возникающим в их среде идейным и теоретическим разногласиям. Один из императивов научного этоса именуется *организованным скептицизмом* (Р. Мертон). Такой императив призван обеспечивать честную конкуренцию в науке, требует по отношению к любому предмету детального объективного анализа и исключает возможность некритического приятия какой-нибудь теории. Полемизируя со сторонниками К. Поппера и П. Фейерабенда, Т. Кун считает важным для ученых отстаивать истинность парадигм своей научной школы и стараться не реагировать на критику оппонентов. Застрахованность от опасности альтернатив — не менее важные черты подлинной исследовательской программы, чем ее способности генерировать новые критические средства и проблемы. Таким образом, в природе научного познания коренится диалектическое противоречие между тенденциями нетерпимости и терпимости к конкурирующим онтологическим схемам.

В главе 2 «ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И КАТЕГОРИИ СИМФОНИКИ намечается эскиз симфонии. Диссертант не претендует на возведение завершенного теоретического каркаса симфонии, а ставит перед собой куда более скромную задачу — ввести и определить несколько первоначальных принципов и понятий симфонии, которые имеют пока полуэмпирический характер и почерпнуты автором не только из философской литературы, но также из опыта личного общения с инакомыслящими оппонентами.

В § 1 «Пять основных принципов симфонии» говорится, что симфоника призвана способствовать взаимному согласию между генеральными оппозициями внутри философии, религии, теоретической науки, а также между: а) научными теориями и религиозными учениями; б) рациональным мышлением и интуицией. Важно также, чтобы симфоника помогала соединять достоинства и недостатки рационального и интуитивного путей познания.

Например, применительно к религиозным спорам, ее достоинства могли бы заключаться в экспликации необходимых условий для: 1) достижения гармонии между логическим обоснованием некоторого догмата и веровательными свидетельствами о нем соответствующего Священного Писания; 2) нахождения главных общих моментов в сериях сравниваемых между собой священных тек-

стов (Писаний, Преданий, апокрифов, постановлений Вселенских соборов восточных и западных христиан, папских энциклик и пр.); 3) отыскания когнитивного инварианта во множестве конкурирующих религиозных кредо, догматов, доктрин, сакральных графических символов; 4) сравнения степеней ценности тех культур и цивилизаций, которые были исторически обусловлены сопоставляемыми религиозными конфессиями.

Аналогичные достоинства и недостатки симфонии обнаруживаются также в приложениях ее к дискуссиям научного и философского характера. Вероятно, в первую очередь симфоника, может стать привлекательной для тех, кто пока находится в поиске собственного мировоззрения, лучшей философии, адекватной религии, подходящей научной методологии. В последнее время в мире заметно возрастает число людей, склонных к участию в массовых религиозно-философских talk-show на TV и радио, собраниях «братства вер», идеологических «тусовках» и прочих мировоззренческих дискуссиях. Знакомство с техникой толерантного спора, постепенно выявляемой симфоникой, могло бы способствовать улучшению культуры общения спорящих сторон.

Чтобы симфоника выполняла функцию кодекса мировоззренческой толерантности, ее принципы и категории должны быть понятными и высокообразованной «элите», и малообразованному «массовому человеку». Поэтому в ней должен быть занижен уровень требований к глубине специальных знаний и веры, ухищренности логической аргументации, умению вербализовать интуицию. В симфонике, как в своего рода когнитивной ризоме, прогнозируется причудливое переплетение корней интуитивной символики (идиограмм) нуминозных объектов, фигур логики, грамматических оборотов, аналогом риторики. Развитая симфоника будет опираться не только на строгие принципы и категории, но также на популярные религиозные притчи, философские афоризмы, литературно-художественные метафоры и изречения.

В фундамент симфонии следует, по мнению диссертанта, заложить, по меньшей мере, пять принципов: 1) гармонического единства веры и знания; 2) мировоззренческих антиномий; 3) взаимного дополнения альтернатив высокой степени общности; 4) симфонического сомнения, 5) равного величия.

1. Принцип гармонического единства веры и знания включает требования: а) взаимного ограничения веры и знания; б) их взаимного дополнения; в) симметрии веры и знания. Частным случаем этого принципа является требование перманентного и мирного диалога науки и религии, который способствовал бы единству этих форм социального духа. Бывают разные, но равноценные варианты гармонии веры и разума. Ярким образцом художественного воплощения гармонии веры и разума является картина А. А. Иванова «Явление Христа народу». Сегодня многие видные богословы, философы и ученые применяют на практике принцип гармонии веры и знания.

2. Принцип мировоззренческих антиномий адаптирован к особенностям познания предельных мировых целостностей. Антиномизм софийно-соборен и противоположен рационалистической софистике. В силу равной обоснованности опытом и логикой обе стороны антиномии (в форме апории, дилеммы, диалектического противоречия) суть равноценные относительные истины. Анти-

номизм толерантен, являясь противоядием от категоричного отрицания того, что рождено опытом инакомыслящих и чужими культурами. Принцип мировоззренческих антиномий поддается частичной алгоритмизации — как последовательность правил построения моделей мира, представляющих собой синтез парных категорий предельной или высокой степени общности. Поиску согласия между сторонами антиномии иногда способствует выявление их операционального инварианта.

3. Принцип взаимного дополнения альтернативных воззрений высокой степени общности возник в результате экстраполяции общенаучного метода альтернатив на область любых интеллектуальных столкновений мировоззренческого или фундаментально-идейного характера. Его суть в том, что даже общепринятым воззрениям, в высшей степени подтвержденным опытом, следует противопоставлять альтернативные взгляды. Решающим обстоятельством в «симфонической критике» является не открытие новых фактов, а изобретение нетривиальных метафизических идей, новой онтологии и новых языковых игр. Как и в случае диалектического подхода, «принцип альтернатив» предполагает намеренное сталкивание между собой противоположностей, их взаимополагание, борьбу, взаимоотрицание и синтез (диалектическое тождество). Вместе с тем «принцип взаимного дополнения альтернатив» имеет ряд ограничений, и неправомерно считать его применимым всегда и везде.

4. Принцип «симфонического сомнения» направлен одновременно на все конкурирующие предельно общие идеи. Альтернативные суждения, с целью их согласования или диалектического отождествления друг с другом, следует обоюдно подвергать предупреждающему сомнению, выявляя в них вольное или невольное искажение истины. Ярким примером применения принципа симфонического сомнения является майевтика Сократа. Симфонику в большей мере интересует не радикальный, а умеренный конструктивный скептицизм, который, ставя под сомнение все конкурирующие воззрения, добивается терпимого отношения к ним всех участников спора. Принцип симфонического сомнения — полезный интеллектуальный инструмент в поиске согласия, например, между ортодоксальным догматизмом, радикальным релятивизмом и нигилизмом.

5. Принцип равного величия имеет два аспекта. Во-первых, равновеликими можно считать те мировые и национальные религии, базовые догматы и доктрины которых косвенно проверены долговременным развитием сопряженных с ними культур и отвечают той или иной типической жизненной правде; равновеликими в науках являются все те современные альтернативные теории, которые имеют фундаментальный характер и одинаковое эмпирическое подтверждение; все равновеликие фундаментальные воззрения имеют примерно одинаковую степень истинности. Во-вторых, следует подвергать решительному сомнению всякое суждение, которое объявляет безусловно истинным только какую-то одну религиозную, философскую или научную модель предельной целостности (целостности бытия, космоса, уровня материи, жизни, человечества).

В § 2 «Важнейшие понятия симфоники» вводятся исходные концепты симфоники: оксиром, древо познания, пространство познания, индивидуальные типы доказательств и др. Обсуждается их взаимосвязь.

Оксиром — это исходное положение, принимаемое на веру и лежащее в основе некоторого общего воззрения — религиозного учения, философской системы, научной теории. Оксиромы бывают явными и скрытыми. Явная оксиром четко выделена и осознана именно как основа мировоззрения или фундаментальной научной теории. Как правило, ей присвоено особое имя. Крипты — это скрытые и безымянные оксиромы с неясным статусом. Их фундаментальная роль не подчеркивается. Но крипты не менее фундаментальны, чем явные оксиромы; без них главные выводы соответствующих учений и теорий не могли бы иметь значительной логической силы. Оппоненты, как правило, считают собственные крипты истинными, а крипты противников — ложными. Вероятное отношение к оксиромам бывает несомненным, скептическим или имплицитным. Если вера вообще не сопровождается сомнением, то она нередко препятствует процессу рационального поиска. Наоборот, вера, сопряженная с умеренным скептицизмом, способна содействовать развитию рационального мышления. Имплицитная вера имеет амбивалентный характер.

Древо познания — это совокупность оксиром, определений и важнейших выводов религиозного учения, философской системы или научной теории. Все прочные учения и фундаментальные теории можно рассматривать как оригинальные модификации древа познания: сколько таких учений и теорий, столько же и модусов древа познания. В древе познания особо важны коренные положения, дающие соки всей соме учения или теории. Выше корней, на стволе, ветвятся положения меньшей степени общности и важности, листья же на ветвях символизируют множество суждений-выводов. Различия в оксиром и даже в определениях, входящих в состав древа познания, как правило, обуславливают серьезные доктринальные или теоретические разногласия в целом.

Пространство познания — это единство древа познания и тех авторитетных источников, на которые могут ссылаться сторонники соответствующей религии, философии или научной теории. Приверженцы различных религиозных течений редко когда могут убедить друг друга в чем-то существенном, поскольку они пребывают в разных мыслительных пространствах. Сколько модификаций древа познания, столько и соответствующих видов пространства познания. Каждое воззрение опирается на свой круг авторов-классиков, и у разных систематизированных воззрений разные авторитеты. Ссылки, с теми или иными оговорками, на «родные» авторитетные источники признаются за аргумент, ссылки же на чуждые авторитеты, как правило, не считаются доказательствами. Пространства познания можно подразделять на индивидуальные, коллективные и всеобщие.

Индивидуальное пространство познания — это такое сложное и синкретическое пространство познания, в пределах которого мыслит тот или иной индивидуальный субъект. В нем совмещены разные формы общественного сознания, освоенные личностью (религия, философия, наука, искусство и т. п.). Сколько людей, столько и индивидуальных пространств познания. У

индивидов недостаточно оригинальных эти пространства во многом схожи, а у выдающихся мыслителей индивидуальные пространства познания настолько уникальны, что их трудно сопоставлять друг с другом. Подчас объемы знаний энциклопедистов прежних времен превосходили пространства познания больших социальных групп и даже народов. Мышление одного и того же человека в разное время попеременно пребывает в разных пространствах познания — например, при решении математических или физических задач, при философских или религиозных размышлениях.

Коллективное пространство познания — это такое когнитивное пространство, в котором кооперируются познавательные усилия малой или большой группы людей, объединенных общим духовным образцом (мировоззрением, картиной мира, научной парадигмой и т. д.). Не всякий ум, пребывающий в коллективном пространстве познания, безошибочно или неплохо в нем ориентируется. Легко доступная часть этого пространства называется его *тривиальной областью*.

Всеобщее пространство познания — это такое когнитивное пространство, в тривиальной области которого духовно пребывает все мыслящее человечество. Всеобщие («сквозные») пространства познания инвариантны по отношению к специфическим мировоззрениям, картинам мира, научным теориям. Истинность их оксиром признает все здравомыслящее человечество.

Поскольку феномен доказательства истинности некоторой идеи, прежде всего, проистекает из убеждения людей в ее истинности, то имеет смысл особо различать коллективные и всеобщие доказательства, а также доказательства реальные и мнимые. Коллективное доказательство — это аргументация, имеющая целью убедить субъекта коллективного пространства познания в истинности некоторого утверждения, учения или теории. Всеобщее доказательство — это аргументация, имеющая целью убедить все мыслящее человечество в истинности некоторого утверждения, учения или теории.

Реальное доказательство — это аргумент, убедительная сила которого постоянно подтверждается всем развивающимся человеческим опытом. Мнимое доказательство — это попытка теми или иными средствами убедить людей, что объективно ложное или сомнительное суждение является истинным.

Чтобы, например, прийти к частичному согласию с критикуемым воззрением, нужно: 1) провести развернутый анализ его древа познания; 2) отвергнуть чуждые вам оксиромы; 3) признать те его оксиромы, которые так или иначе адекватны вашему воззрению; 4) в случае неприемлемости всех оксиром, все же поискать в критикуемом воззрении хотя бы такие отдельные моменты, которые способны обогатить ваши представления о соответствующем предмете.

В XXI в. наука, философия и религия начинают приходить в прямое и тесное соприкосновение, свидетельствуя о необходимости гармонично-целостного восприятия их человеком. Но подчас союз науки и религии способен порождать сомнительные плоды — симулякры наук и религий. Наука специфически-мировоззренческими вопросами не занимается, и всегда были, есть и будут ученые с разными мировоззрениями (агностики, верующие, атеисты). Наука

нуждается в философском мировоззрении того или иного типа, прежде всего, потому, что: а) оксиромы науки невозможно доказать средствами самой науки; б) научные доказательства, в конечном счете, условны; в) в науке нет абсолютных критериев, которые бы давали полную гарантию истинности той или иной теории. Антагонистическое противостояние западной науки, идеалистической философии и монотеизма вскоре может уйти в прошлое, а укрепление их союза — дело будущего века. Симфоника может приносить пользу в познании через согласие, так или иначе гармонизируя диалог богословов, философов и ученых.

В разделе «**Заключение**» суммируются полученные теоретические результаты и указываются перспективы дальнейшего развития симфоники.

**Основные положения диссертации изложены
в следующих публикациях автора:**

Статья, опубликованная в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, опубликованных ВАК:

1. *Рыльцев Е.В.* Познание через согласие. Вестник Оренбургского государственного университета. 2008, № 9, с. 26 – 30, 0,3 п.л.

Другие научные публикации:

1. *Рыльцев Е.В.* Догматическая логика // Ученые записки НТГСПА. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2004. С. 20—23.

2. *Рыльцев Е.В.* Основания мистической логики // Философия: вызов современности. Материалы международной научно-практической конференции (1—7 сентября 2005 г.). Екатеринбург, 2005. С. 135—138.

3. *Рыльцев Е.В.* Вера и доказательство // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Философия». Вып. 7. Тольятти, 2006. С. 87—92.

4. *Рыльцев Е.В.* Вера как научная ценность // Первые Лойфмановские чтения. Аксиология научного познания. Материалы Всероссийской научной конференции (10—11 марта 2005 г.). Вып. 3. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 33—38.

5. *Рыльцев Е.В.* Средства укрепления и подавления веры // Вторые Лойфмановские чтения. Универсалии культуры. Материалы Всероссийской научной конференции (19—20 декабря 2006 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 319—322.

6. *Рыльцев Е.В.* Правило сомнения // Ученые записки НТГСПА. Общественные науки. Материалы региональной научно-практической конференции «Образование в XXI веке: проблемы, тенденции, перспективы». Нижний Тагил, 2006. С. 46—47.

7. *Рыльцев Е.В., Пивоваров Д.В.* Симфоника: исходные принципы и понятия. Научная монография. Уральский государственный университет. Нижний Тагил: 2008. 194 с.

Подписано в печать 11.01.2009. Формат 60x84 1/16. Объем 1,0 п.л. Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная (на ризографе). Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № 1.

Оригинал-макет изготовлен в РИО НТГСПА.

Отдел издательских и множительных систем НТГСПА.

Адрес: 622031, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57.